

Стрекалова Елена Николаевна

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В 20-Е ГГ. XX В.**

Статья посвящена рассмотрению условий и особенностей процесса формирования интеллигенции на Северном Кавказе в первое десятилетие советской государственности. На основе данных центральных и региональных архивов анализируются первые шаги высшей школы в регионе, специфика комплекции студенческого состава в национальных областях, роль рабочих факультетов в подготовке национальной интеллигенции. Представлены сложности реализации государственной политики по ускоренной подготовке социально "надежной" интеллигенции из рабочих и крестьян в условиях полинационального региона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/43.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 177-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 2.
2. ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 3.
3. Декрет о гражданском равенстве. Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных ограничений от 20 марта 1917 г. Пг., 1917. 32 с.
4. Емелях Л. И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л., 1976. 182 с.
5. Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 года: в 4-х т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. Т. 1. Март-апрель 1917 г. 448 с.
6. Кандидов Б. П. Религиозные организации и антирелигиозное движение в эпоху подготовки великой пролетарской революции // Антирелигиозник. 1937. № 9. С. 13-23.
7. Кострюков А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2 (31). С. 142-198.
8. Крывелев И. А. Русская Православная Церковь в первой четверти XX века. М., 1982. 64 с.
9. Любимов Н. А., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода (25 апреля – 12 июня 1917 г.) // Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.): сб. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 15-120.
10. Осипова Е. С. Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С. 65-76.
11. Персиц М. М. Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в СССР. М., 1958. 198 с.
12. Программа «Народного кабинета». СПб., 1917. 1 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 209.
14. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Петроград, 1917. Вып. 1. 27 февраля - 5 мая 1917 г. 698 с.
15. Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. XI. Ч. I. Ст. 1.
16. Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. I. Ч. I. Ст. 62.
17. Святой чорт. [Г. Распутин]. М., 1917. 8 с.
18. Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917–1990 гг.: учебник для православных духовных семинарий. М.: Изд. дом «Хронин», 1994. 251 с.
19. Цыпин В., протоиерей. Русская Церковь 1917–1925 гг. М.: Издание Сретенского монастыря, 1996. 335 с.

PROVISIONAL GOVERNMENT AND “PROTECTION OF RELIGIOUS FEELING
OF ORTHODOX POPULATION” (FEBRUARY-OCTOBER 1917)

Arsenii Vladimirovich Sokolov, Ph. D. in History
Department of Russian History
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
arsikus@mail.ru

The author considers the Provisional Government actions (February-October 1917) on the protection of the religious feeling of Orthodox population from reviling in the press and during “mass entertainments” (theatrical performances, in cinema, etc.), tells that the tsarist government protected the ruling Church with administrative (police) methods, but after the February Revolution they were recognized unacceptable, mentions that the topic of the article has not yet been the object of an independent research, and introduces previously unknown documents from the State Archive of the Russian Federation (Moscow) into scientific circulation.

Key words and phrases: Provisional Government; Russian Orthodox Church; Holy Synod; Vladimir Nikolaevich L’vov; Aleksandr Fedorovich Kerenskii.

УДК 93

Исторические науки и археология

Статья посвящена рассмотрению условий и особенностей процесса формирования интеллигенции на Северном Кавказе в первое десятилетие советской государственности. На основе данных центральных и региональных архивов анализируются первые шаги высшей школы в регионе, специфика комплектации студенческого состава в национальных областях, роль рабочих факультетов в подготовке национальной интеллигенции. Представлены сложности реализации государственной политики по ускоренной подготовке социально «надежной» интеллигенции из рабочих и крестьян в условиях полинационального региона.

Ключевые слова и фразы: интеллигенция; Северный Кавказ; полинациональный регион; реформирование образования; вузы; рабфаки; студенчество.

Елена Николаевна Стрекалова, к.и.н., доцент
Кафедра истории России
Ставропольский государственный университет
strecalova-lena@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В 20-Е ГГ. XX В. ©

Исторические параллели решения «национального вопроса» в период образования СССР, создание которого проходило 90 лет назад, с современностью актуализируют необходимость взвешенного изучения

проходивших процессов и принимаемых властью решений. Значительный интерес, в частности, представляет проходивший процесс создания национальной интеллигенции у северокавказских народов, что провозглашалось государством необходимым для преодоления «исторического неравенства» уже в начале 20-х гг.

Отметим, что первые десятилетия советской государственности в целом поражают постановкой властью чрезвычайно сложных, труднодостижимых задач в разных областях государственного строительства. Но особенно любопытно наблюдать реализацию таких планов в отношении социума, в отношении «нового советского человека». Подготовка национальной кадров интеллигенции являлась не только и даже не столько культурной, а, скорее, политической задачей. Северокавказские исследователи процесса формирования национальной интеллигенции в первые десятилетия советской государственности, такие как М. М. Бекижев, З. Х. Джамбулатова, Г. Ш. Каймаразов, А. К. Хачиров, отмечали немногочисленность образованных людей из горских народов вплоть до первых десятилетий XX века. Представители интеллигенции региона в большинстве своем были русскими, приезжими, либо относились к чиновничеству и духовенству [1; 13; 18; 26]. В противовес им неотъемлемой чертой новой интеллектуальной элиты должна была стать политическая лояльность к советской власти и марксистской идеологии.

Ко времени советских преобразований Северный Кавказ начала XX столетия представлял собой аграрную окраину Российской империи. Процессы модернизации медленно втягивали местные народы в водоворот российского капиталистического процесса. В преимущественно аграрной экономике региона рельефно выделялось крупное промышленное производство. Это были Грозненские, Майкопские и Кубанские нефтяные промыслы, цветная металлургия в Северной Осетии и Карачаево-Черкесии, цементные заводы Новороссийска [16, с. 398-400]. Регион нуждался в учителях, агрономах, инженерах. Однако подготовке специалистов из местных народностей препятствовал низкий уровень грамотности, отсутствие светской школы, органов печати на родных языках, у некоторых – собственной письменности. Анализ данных даже к 1920 г. показывает, что наибольший уровень грамотных был в Северной Осетии – 12% [18, с. 4]. Среди общего количества грамотных (9,2%) в Дагестане образование на русском языке получили только 2,5%. Самые низкие показатели грамотности были в Чечне и Балкарии – 0,8%, в Кабарде – 2,1%, в Ингушетии – 3%, в Черкесии – 4,3%, в Карачае – 6,7% [11, с. 168; 18, с. 37].

Показатели грамотности северокавказских народов, да и других народов России к 1920 г., объясняют, почему в одной из последних своих работ В. И. Ленин писал, «какая уйма работы нам предстоит», чтобы на почве «пролетарских завоеваний достигнуть сколько-нибудь культурного уровня цивилизованного государства Западной Европы». Малограмотность населения, пишет он далее, должна служить предостережением для всех, кто витает в идеях «пролетарской культуры» [21, с. 363]. Сквозь его рассуждения проступает, как представляется, осознание всей величины, глыбы проблемы, с которой в реальности большевики имели дело. В 1922 г., когда были написаны «Странички из дневника», стало ясно, что «красногвардейская атака» на безграмотность путем краткосрочных ликбезов не дает серьезных результатов, кардинально меняющих ситуацию. Ленин хорошо знал, что человек вне грамотности, вне письменной культуры остается вне политики. На национальных территориях это было чревато весомыми проблемами.

В связи с этим сразу после завершения основных военных конфликтов Гражданской войны передовым направлением в подготовке национальных кадров стало обучение административно-управленческого персонала, от которого во многом зависело национально-государственное строительство. В 1921-1924 гг. из Горской республики выделились автономные Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северо-Осетинская, Адыгейская, Ингушская, Чеченская автономные области, вошедшие в Юго-Восточный край, переименованный в 1924 г. в Северо-Кавказский с центром в Ростове-на-Дону [1, с. 38-39]. Автономии нуждались в управленцах из коренного населения. XII съезд РКП(б) весной 1923 г. называл проблему преодоления неравенства второй очередной задачей партии [12, с. 83-84]. Очевидно, что для горцев гораздо понятнее звучали политические лозунги и экономические задачи из уст земляков на своем языке. Управленцы из местных народов становились опорой советской власти, поддерживали и укрепляли влияние государственного центра на окраинах страны.

Управленцев готовили ускоренными темпами в совпартшколах из наиболее подготовленных представителей северокавказских народов. Такой своеобразный, созвучный времени тип учебных заведений появился сразу после революции 1917 г. Однако на Северном Кавказе их распространение задержали бои с армией Деникина. В 1920 г. партийные школы появились во Владикавказе и Грозном. Отбор учащихся шел в первую очередь среди вступивших в партию и комсомол. Краткосрочность обучения (2 месяца) позволила уже к январю 1921 г. подготовить 82 человека [14, с. 28].

Северокавказский интеллигентовед 70-х гг. М. М. Бекижев подчеркивал, что совпартшколы были основной базой подготовки «руководящих кадров местной интеллигенции в 20-е гг.» [1, с. 79]. Сегодня вызывает серьезные сомнения, насколько можно отнести к интеллигенции советских номенклатурных работников с образованием от двух-шести месяцев до года. Даже когда к 1922 г. установился единый тип совпартшкол, на первой ступени обучения в 3-4 месяца общеобразовательным дисциплинам в них отводилось половина учебного времени. На второй ступени, годичной по продолжительности, – четвертая часть курса по причине низкого уровня знаний слушателей [16, с. 10].

Таким образом, национальные кадры получали элементарные общеобразовательные и политические знания для агитационно-пропагандистской работы. Однако, возвращаясь в родные места, партработники способствовали интеграции региона в пространство советской государственности. Власть и в центре, и на местах проявляла заинтересованность в них. Не случайно пленум Ингушского обкома в марте 1926 г., рассматривая вопрос о подготовке горцев в учебные заведения, особо выделял краевые партийные курсы, куда направляли наиболее подготовленных комсомольцев и партийцев [5, д. 257, л. 16].

Несмотря на это, большая часть управленцев на Северном Кавказе, как и в целом по стране, отличалась низким уровнем образования [3, с. 121]. Только третий уровень партийного образования завершался трехгодичным курсом коммунистического университета. В 1925-1926 гг. в Москве в комвузе трудящихся Востока на горско-дагестанском отделении обучалось 138 представителей северокавказских республик [28, д. 83-а, л. 92]. Но Всесоюзная партийная перепись 1927 г. показала, что только 26 советских партийных работников в регионе закончили комвузы. В общем составе управленцев около 75% имели ту или иную всего лишь общеобразовательную подготовку [2, с. 60-109, 119]. Однако национально-территориальные преобразования требовали расширения круга управленцев из местных народов. Вместе с тем льготы номенклатурным работникам притягивали к обучению в совпартшколах карьеристски настроенных выходцев из северокавказских народов.

После управленцев первостепенной становилась подготовка учителей из местных народов, затем готовились медицинские, аграрные, технические и научные кадры [25, с. 92-93]. Анализ документов доказывает такую расстановку приоритетов до середины 20-х гг., когда для развития промышленности, освоения горно-рудных месторождений Кавказа, развития электроэнергетики потребовались специалисты-техники. Техническое образование, говорилось в одном из документов Главпрофобра, выступило в виде острой социально-экономической проблемы, для решения которой необходимы экстренные меры [7, д. 19, л. 45]. Думается, что подготовка инженеров и техников из представителей северокавказских народов при указанной проблеме малограмотности, к которой добавлялось и плохое знание русского языка, являлась самой сложной задачей, которую перед собой ставила власть. Исследователи не уделяли специального внимания этому вопросу, в связи с чем остановимся на нем подробнее.

Высшие учебные заведения на Северном Кавказе возникли после революции 1917 г. Политехнические институты во Владикавказе и Краснодаре начали свою деятельность по общественной инициативе в денкинское время и законодательно были утверждены советской властью после окончания Гражданской войны. Техническая школа в 20-е гг. должна была соответствовать потребностям народного хозяйства в переживаемую эпоху, ее реформированием занимался Главпрофобр [19, с. 173-174; 20, с. 17-20; 23, с. 20-21]. Однако в условиях послевоенной разрухи вузы испытывали значительные материальные и организационные трудности. Сроки обучения сократились с пяти до трех лет, количество предметов - до минимума. Главная ставка делалась на практическое обучение профессии [10, д. 361, л. 38; 22, с. 2]. Учебные заведения не обеспечивались профессорско-преподавательскими кадрами и учебно-материальной базой. По сведениям комиссии по улучшению быта ученых в 1922 г. часть преподавателей ночевали в аудиториях, проживали с семьями в проходных комнатах, уходили на частные предприятия [23, с. 33; 27, д. 213, л. 52].

В 1921 г. возникла угроза закрытия Горского политеха во Владикавказе. В. И. Ленин, к которому обратились за помощью, написал, что спасение вуза - дело политическое. К этому времени в институте училось 1200 студентов, и 800 отпускаемых пайков прожиточного минимума не могли покрыть нужды студентов. Содержание вуза на 50% перевели на местное финансирование, заинтересованные предприятия отчисляли средства в вузовский бюджет. Оказывали помощь общегорскому вузу и соседние республики. Только в 1922 г. экономсовет Дагестана учредил 10 стипендий для студентов-дагестанцев, поступающих в политехнический вуз [6, д. 173, л. 5, 17; 8, д. 13 л. 9-11]. Тем не менее, к 1925 г. бюджет вузов удовлетворялся только на 8-25%. В это сложнейшее время вузы переформировывались, сохранялись в усеченном виде. Так, в 1923 г. Горский политех сохранился в виде мелиоративно-гидротехнического факультета [28, д. 113, л. 59].

Своеобразными «подпорками» высшей школе служили рабочие факультеты. За два года они готовили рабочую молодежь к вузовскому обучению. В Северо-Кавказском крае в 1920 г. рабфаки появились в Ростове, Владикавказе, Краснодаре, в 1921 г. - в Грозном, в 1927 г. - в Махачкале [18, с. 63; 19, с. 183]. В зависимости от потребностей национальных областей в кадрах краевым руководством устанавливалась разверстка мест всем народностям. Рабфаки предназначались и для пролетаризации высшей школы. При комплектации студенческого состава преимущество отдавалось рабочим, но в аграрном северокавказском регионе крестьяне составляли до 50% студентов [17, с. 14; 28, д. 177, л. 6, 16]. Роль рабфаков в процессе формирования национальной интеллигенции огромна. Малочисленность сельских трудовых школ, готовящих в вузы, бедность населения обусловили то, что рабфаки стали одним из наиболее целесообразных типов учебных заведений. Наличие интернатов и стипендий служили дополнительными плюсами, и зачастую именно они обеспечивали возможность обучения. Однако низкая грамотность народов Северного Кавказа приводила к тому, что студентов-горцев в них было незначительное количество. Так, в 1922 г. из 211 студентов во Владикавказском рабфаке училось только 50 горцев, доминирующее большинство из них - осетины [27, д. 45, л. 32-33; 28, д. 252, л. 32]. Знание русского языка стало основным условием приема и основным препятствием в обучении. Учебников на языках северокавказских народов в 20-е гг. еще не существовало.

Определенный демократизм советского образования дал возможность учиться многим из рабочих и крестьян, кто в царское время был лишен этой возможности. С другой стороны, классовый принцип в образовании исключал наиболее подготовленных по образовательному уровню к высшей школе детей служащих, интеллигенции, духовенства из числа студентов, как потенциально враждебных. Проводились чистки вузов. Под лозунгом борьбы за пролетаризацию в 1925 г. из вузов исключили бывших гимназистов. Психологический настрой студентов первых советских лет был боевым. Часть из них прошли гражданскую войну, защищали идеалы революции и идентифицировали себя с новым строем. Отношение к неуспевающим студентам в их среде было как к дезертирам в военное время, что отразилось в резолюции студентов первого выпуска рабфака в Краснодаре [28, д. 129, л. 2]. Многие нанимались сторожами, сапожниками для того, чтобы учиться [4, д. 112, л. 2; 27, д. 160, л. 24].

Сложности в положении высшей школы региона привели к практике командирования на учебу в ведущие вузы Москвы, Ленинграда, Ростова, что приобретало весомое место в системе подготовки специалистов. С этого времени утверждается политика «бронирования мест» для конкретных национальностей в определенных вузах в зависимости от потребностей в специалистах той или иной профессии. Коллегия Главпрофобра в 1921 г. забронировала для Горской республики 45 мест в вузах, Дагестану - 32 места [9, д. 24, л. 6-18, 31-37]. Система льгот, организованная государством, тем не менее, не позволяла всегда занять все забронированные места абитуриентам из северокавказских республик. Не хватало подготовленных людей. Исполком Кабардино-Балкарии объяснял это крестьянским составом населения, не имевшим возможности получить необходимый уровень образования. «Срывы» в заполнении «брони» стали обыденным явлением вузовской практики 20-х гг. В таких случаях разрешалось занимать места командированным представителям других национальностей из автономий, давшим подписку после окончания учебы работать в регионе. Республики платили стипендию таким студентам [8, д. 14, л. 5-21].

Целевая подготовка специалистов наряду с плюсами приобрела отрицательные стороны: низкий уровень знаний выпускаемых специалистов, определенное иждивенчество студентов. Смягчение экзаменационных испытаний при плохом знании русского языка приводило к тому, что зачастую целые группы не могли сдать экзамены вовремя. Главным образом это касалось специальных дисциплин, что отрицательно отражалось на качестве специалистов и требовало дополнительных затрат учебных заведений [6, д. 113, л. 58; 24, д. 192, л. 623-625].

Итак, государственная политика в 20-е гг. была направлена на ускоренную подготовку национальной интеллигенции. Преодолеть «культурное неравенство», провозглашенное властью, оказалось чрезвычайно сложно в силу низкой грамотности населения, отсутствия высших учебных заведений в регионе, нехватки преподавательских кадров, общей разрухи после гражданской войны. В подготовке интеллигенции установился форсированный, мобилизационный тип развития: сокращались сроки обучения, упрощались вступительные испытания, утвердилась система бронирования льготных мест в центральных вузах для северокавказских народностей. Несмотря на трудности, государство проявляло настойчивость в подготовке национальных кадров интеллигенции. Сложно, медленными темпами, но приобщение к высшему образованию горских народов сдвинулось с мертвой точки предшествующих десятилетий. Однако в 20-е гг. в борьбе за быстрый рост «социально надежных» кадров из рабочих и крестьян правительство не смогло поддерживать высокое качество подготовки специалистов.

Представляется, что в подготовке интеллигенции из горских народов совпали общегосударственные прагматические цели и национальные интересы региона, выражавшиеся в потребности повышения общекультурного уровня. Происходила советизация местной интеллигенции, поскольку в учебных курсах идеологическая составляющая занимала значительное место. Интеллигенция, помимо профессиональной деятельности, выступала агитатором, проводником советской политики и идеологии, тем самым способствовала интеграции региона в пространство единой государственности.

Список литературы

1. **Бекижев М. М.** Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917-1941 гг.). Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1978. 288 с.
2. **Всероссийская партийная перепись 1927 г.** М.: Партиздат, 1927. Вып. 7. 205 с.
3. **Гимпельсон Е. Г.** Советские управленцы. 20-е годы (руководящие кадры государственного аппарата СССР). М.: ИВИ РАН, 2001. 225 с.
4. **Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК).** Ф. 1. Оп. 1.
5. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. А-296. Оп. 1.
6. **ГАРФ.** Ф. А-1565. Оп. 4.
7. **ГАРФ.** Ф. А-2306. Оп. 8.
8. **ГАРФ.** Ф. Р-1318. Оп. 6.
9. **ГАРФ.** Ф. Р-1318. Оп. 7.
10. **Государственный архив Ростовской области (ГАРО).** Ф. Р-3758. Оп. 1.
11. **Даниялов А. Д.** Строительство социализма в Дагестане. М.: Сов. Россия, 1975. 184 с.
12. **Двенадцатый съезд РКП(б). По национальному вопросу // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.** Изд-е 9-е. М., 1984. Т. 3. С. 79-88.
13. **Джамбулатова З. К.** Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940 гг.). Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1974. 235 с.
14. **Известия Кавбюро ЦК РКП(б).** 1921. № 4.
15. **Известия ЦК РКП(б).** 1922. № 3.
16. **История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.).** М.: Наука, 1988. 659 с.
17. **К десятилетнему юбилею рабфактов:** научно-методический сборник. Краснодар: Кн. изд-во, 1929. 185 с.
18. **Каймарзов Г. Ш.** Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: по материалам Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушской АССР. М.: Наука, 1988. 334 с.
19. **Культурное строительство в Северной Осетии:** сб. документов и материалов: в 2-х т. Орджоникидзе: ИР, 1974. Т. 1. 546 с.
20. **Куценко И. Я.** Кубанский государственный технологический университет: история и современность. Краснодар: Изд-во Куб. ГТУ, 1999.
21. **Ленин В. И.** Странички из дневника // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд-е 5-е. М.: Политическая литература, 1964. Т. 45.

22. **Материалы по профессионально-техническому образованию. Реформа высшей технической школы.** М.: Красная новь, 1920. Вып. 1. Ч. 1. 159 с.
23. **Народное образование на Северном Кавказе** (по материалам обследования 1 декабря 1926 года). Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1926. 134 с.
24. **Российский государственный архив экономики (РГАЭ).** Ф. 8084. Оп. 1.
25. **Советская интеллигенция:** словарь-справочник / под ред. Л. В. Ивановой. М.: Наука, 1987. 251 с.
26. **Хачиров А. К.** О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе: ИР, 1964. 92 с.
27. **Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).** Ф. 9. Оп. 1.
28. **Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).** Ф. 7. Оп. 1.

NATIONAL INTELLIGENTSIA OF NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF STATE POLICY IN THE 20S OF THE XXTH CENTURY

Elena Nikolaevna Strekalova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History
Stavropol' State University
strekalova-lena@yandex.ru

The author considers the conditions and features of intelligentsia formation process in the North Caucasus during the first decade of the Soviet statehood, basing on central and regional archives data analyzes the first steps of higher education in the region, the specificity of student structure staffing in the national regions, the role of workers' faculties in national intelligentsia training, and describes the complications in the realization of the state policy on the accelerated training of socially "reliable" intelligentsia from workers and peasants under the conditions of poly-national region.

Key words and phrases: intelligentsia; North Caucasus; poly-national region; reformation of education; higher education establishments; workers' faculties; studentship.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены региональные аспекты продовольственного обеспечения в середине 50-х гг. XX в. Указанный период сам по себе оказался на периферии исследовательского процесса, а продовольственный вопрос конкретного города – Казани, ожидания жителей и реальное их воплощение никогда ранее подробно не изучались. На основе значительного фактического материала автор отмечает несогласованность действий местных органов власти с центральными, недостатки организации обеспечения продовольствием и их последствия.

Ключевые слова и фразы: история повседневности; продовольственное обеспечение; потребление еды; механизм реализации продовольственной политики; гастроном; торговля; общественное питание; снабжение; Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ).

Оксана Валерьевна Ульянова

Кафедра историографии, источниковедения и методов исторического исследования
Казанский (Приволжский) федеральный университет
oks-eva@inbox.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАНИ В СЕРЕДИНЕ 50-Х ГГ. XX В. ©

«...Наша задача — внедрять в потребление наиболее питательные, наиболее вкусные продукты, обеспечить дальнейший бурный рост здоровья, крепости советского человека на базе изобилия продуктов, на базе заботы о людях, на базе зажиточной, культурной жизни»
А. И. Микоян [6, с. 24].

Продовольственная политика советской эпохи в последние годы все чаще становится объектом пристального интереса со стороны профессиональных историков, экономистов, социологов, журналистов и обычных людей. Продовольственная культура, философия питания, внедрение политических идей через особенности потребления пищи и механизмы реализации – все это, безусловно, можно отнести к популярному в последние десятилетия направлению исследований «истории повседневности». Однако изучение истории повседневности провинциального города невозможно без исследования механизмов власти.

Середина 1950-х гг. в СССР ознаменовалась изменениями практически во всех сферах жизни советских граждан. Уходила в прошлое послевоенная разруха. Страна постепенно оправлялась от тяжелых последствий